

ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:

ДЕЛО ВАРНАВИНСКОГО МАНЬЯКА

РОКОВЫЕ ЧИСЛА

ХРОНИКИ СЫСКА

МОСКОВСКИЙ АПОКАЛИПСИС

ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ

МЕРТВЫЙ ОСТРОВ

ЗАВЕЩАНИЕ АВВАКУМА

ПУЛЯ С КАВКАЗА

ОХОТА НА ЦАРЯ

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

Туркестан

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*

В оформлении переплета использовано фото
из архива автора

Свечин, Николай.

С24 Туркестан / Николай Свечин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Детектив Российской империи).

ISBN 978-5-699-90523-2

Июнь 1894 года. Оставив службу в Департаменте полиции, Алексей Лыков вместе со своим приятелем Титусом едет в Туркестан, чтобы продать лес для строительства железных дорог. Ташкент — город на Великом шелковом пути — встречает путников прекрасными мечетями, яркими коврами и людными улицами. Казалось бы, ничто не может нарушить привычной и размеренной жизни горожан. Но Ташкент потрясает череда кровавых и жестоких убийств. Самое странное, что все жертвы — русские поселенцы. Кто стоит за этим? Новоиспеченные лесопромышленники решают помочь полицеймейстеру туземной части, полковнику Скобееву, расследовать это запутанное дело, в котором, как выясняется, замешаны не только мусульманские фанатики...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90523-2

© Свечин Н., текст, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Лыков с Титусом сидели на диване бок о бок. Они были раздеты донага, но замотались в простыни. В купе стояла невыносимая жара, усиленная духотой. Открытое окно не спасало: поезд едва тащился по раскаленной пустыне.

Напротив друзей расположились их попутчики, тоже задрапированные. Один был негоциантом, доверенным¹ Московского торгово-промышленного товарищества. Сутки назад, войдя в вагон, он представился: Степан Антонович Христовславников. И тут же сообщил, что везет с собой крупную сумму для выплаты задатков хлопкоробам. А потому просит принять его в компанию. Так безопаснее в незнакомой местности. Негоциант был упитанный мужчина лет пятидесяти, с редкой бородой и угреватым желтым лицом. Человек он оказался приятный, скромный и молчаливый. Всю дорогу Степан Антонович охотнее всего слушал других, не выпячивая собственную личность.

Второй попутчик появился за пять минут до отправления поезда. Среднего роста, среднего

¹ *Доверенный* — ответственный представитель фирмы, уполномоченный подписывать контракты. (Здесь и далее — примеч. автора.)

сложения, очень загорелый капитан с аннинским темляком на пашке назвался Иваном Осиповичем Скобеевым. Должность у него была интересная: полицмейстер туземной части Ташкента. Старый служака чуть не всю жизнь провел в Туркестане. Для попутчиков он оказался сущим кладом. Капитан знал все и всех в крае и по любому вопросу мог дать квалифицированную справку. Само собой устроилось, что он возглавил компанию. Хваткий и деловой, что называется себе на уме, Скобеев взял над соотечественниками шефство: опекал, пояснял и помогал. Под его крылом их быт сразу наладился.

Лыков с Титусом купили себе четырехместное купе. Этого потребовал управляющий. Прошлой осенью он впервые съездил в Туркестан и рассказал по возвращении всякие ужасы. Закаспийская железная дорога и без того славится большой неустроенностью и очень низкой провозоспособностью. Но специфика края делает жизнь пассажиров совсем уж тяжелой: вагонов первого класса нет вовсе, а люди попадают разные. Над Титусом расположился богатый сарт¹. Пять раз в день он совершал намаз, а перед этим — тахарат, молитвенное омовение. Ночную и утреннюю молитвы сарт творил, не слезая с полки. Там же и омывался... Грязная вода стекала Титусу на голову и заливала постель, но попутчика это нимало не беспокоило. Возражения и возмущения он про-

¹ *Сарты* — в императорской России самоназвание оседлого населения Ташкентского, Ферганского и ряда других оазисов.

сто игнорировал. Яан обратился к обер-кондуктору, но тот лишь развел руками: ничего не поде-лаешь, надо терпеть. Все туземцы так поступают. А когда сарт закусывал, то сальные руки вытирал о чрезвычайно грязный и вонючий халат, объед-ки же кидал на пол. Это длилось три дня, пока со-став тащился от Узун-Ады до Самарканда. Впечат-ленный Титус настоял поэтому, что помещаться в купе надо без соседей. И в этот раз они ехали вдвоем. Пока добровольно не присоединили к себе русских попутчиков...

Уйдя со службы, Алексей занимался теперь де-лами имения. Дача в Варнавинском уезде давала много хорошего леса. Яан, управляющий и друг, предложил поставлять его в Туркестан. Там шло строительство железных дорог и требовалось много дерева на шпалы. Единственный рельсо-вый путь лежит сейчас от Каспийского моря до Самарканда. Но в планах Военного министер-ства продлить его до Ташкента и далее до Верно-го. И сделать ответвления в Кушку и Коканд. Да еще соединить в обозримом будущем Ташкент с Оренбургом. Золотое дно! Огромная дорогосто-ящая работа. Своего леса в Туркестане мало, его берегут и не дают использовать. Именно военные управляют краем, им и решать, куда пролягут но-вые пути. И у кого купить материал на шпалы...

Деликатный вопрос выбора поставщика ре-шается, конечно, в Ташкенте. Генерал-губерна-тор барон Вревский является одновременно и командующим войсками Туркестанского воен-ного округа. Закаспийская дорога тоже воен-

ная. Начальники мастерских и даже станций — офицеры двух туркестанских железнодорожных батальонов, а кондукторы в поездах — солдаты. Строительство отдано гражданским инженерам, но ведется под диктовку интендантского управления. И хотя создана особая дирекция по строительству, ее вопросы — технические. Осенью Титус встретился со всеми участниками концессии и уехал несолоно хлебавши. Важные люди в погонах сказали ему: мы с приказчиками дел не имеем. Пусть явится хозяин и будет готов хорошо заплатить...

Лыков думал всю зиму и весну. Кормить воров ему не хотелось. Но с волками жить — по-волчьи выть. Известно, что в Туркестане без взятки не решается ни один вопрос. Хочешь обеспечить будущее своих детей — покупай входной билет. В итоге в конце мая 1894 года двое приятелей выехали на юг. Поездом добрались до Владикавказа, там пересели в тарантас и перевалили Кавказский хребет, едва не погибнув под сходом снега. Прибыли в Баку и погрузились на пароход общества «Кавказ и Меркурий». Общество это монополизировало доставку желающих попасть на другой берег Каспийского моря. Оно знаменито наплевательским отношением к пассажирам. Пароходы отправляются через день, удобств на них почти нет, команда грубая, море дикое. Через семнадцать часов плавания друзья сошли на желтый пустынный берег.

Крохотный городок Узун-Ада — ворота в Среднюю Азию. Один шайтан знает, почему строитель

Закаспийской дороги генерал Анненков выбрал это место. Неподалеку стоит порт Красноводск, много более удобный для зачина. Но первый костыль забили в Узун-Аде. Отсюда уходят рельсы в самое сердце края. И встретил гостей городок весьма неприветливо. Сначала строгий полицейский чиновник потребовал от вновь прибывших паспорта. Словно от иностранцев... Титус объяснил приятелю, что так принято. Въезд в Туркестан ограничен — главным образом для самовольцев, переселенцев, решивших сменить место жительства без разрешения властей. Затем выяснилось, что пароходы ходят сами по себе, а поезда — сами по себе. И ближайший состав на Самарканд уйдет лишь через двое суток. Алексей с Яном прокляли все на свете, дожидаясь машины. Узун-Ада выстроен в очень хорошей бухте, но само место отвратительное. Город поставили на кочующих песках. Из-за этого все дома подняты на сваях, а вместо крыльца в них высокие лестницы. Входишь, например, в здание почты по земле, а выходишь через полчаса — под тобой аршин пустоты. Пекло, в тени тридцать пять градусов, а спрятаться некуда. Пойти тоже некуда, и негде поесть. Спали горепутешественники на вокзале, на грязных скамьях, и подъедали в грязном буфете несвежие бутерброды. Воды не хватало — ее привозили за пятьсот верст из Асхабада в деревянных баках. Теплая и воючая, желто-коричневого цвета, она не освежала. С одиннадцати часов утра и до пяти пополудни все замирало и укрывалось в тень. Жизнь как в парилке русской бани...

Наконец пришел новый пароход и привез более сообразительных пассажиров. Тех, кто умел состыковать два расписания, морское и железнодорожное. Уже через час после парохода на станцию подали состав. Лыков впервые увидел вагоны, выкрашенные в белый цвет. Мигом преобразился сонный буфетчик: пароход доставил ему провизию. Алексей с Яном успели съесть по эскалопу и захватили в дорогу сыр с хлебом. Другого ничего не взяли — стухнет на такой жаре. И приготвоились мучиться.

Вагон второго класса был полон. Больше всего оказалось туземных купцов, за ними шли офицеры. Хватало и чиновников в мундирных сюртуках. Русское партикулярное платье почти не встречалось. Капитан Скобеев получил место в обществе персов, но разглядел трех русских негоциантов и пересел к ним. Он представился, выслушал, кого как зовут, и тут же сообщил:

— А я вот за асфальтом ездил!

— За каким еще асфальтом? — удивились соотечественники. — За природным?

— Да. На острове Челекен есть месторождение, и меня послали ознакомиться. Правитель канцелярии генерал-губернатора хочет выложить им в Ташкенте одну улицу. Вызвал и приказал: Иван Осипыч, сгоняй по-быстрому, узнай, что почем.

— Это за какие грехи такое наказание? — ахнул Христославников.

— Наказание? — сощурился полицмейстер.

— А разве нет? В самое пекло по пустыне скитаться...

— Вовсе даже не наказание, а, наоборот, поощрение!

— Какое же здесь поощрение? — удивился Степан Антонович.

А Лыков подумал секунду и спросил у капитана:

— Прогонь?

— Именно! — обрадовался тот. — Вот вы молодец, сразу догадались. У нас же прогонь до сих пор платят, как на перекладных. А я две трети пути поездом одолею. Билет в оба конца стоит 65 рублей 80 копеек. А от Ташкента до Самарканда и обратно меня сарты доставят. На свой счет. Что получается? Получается экономия! Мне как чину восьмого класса полагается три лошади. По две с половиной копейки на версту за каждую лошадь... умножаем... получаем семь с половиной. За версту. А их по железной дороге 1344, да между Самаркандом и Ташкентом почти 500. На круг выходит 200 рублей профиту! И все законно. Как в армии — безгрешные доходы. А то жалованье маленькое, взяток же я не беру. Ну, в смысле, не требую...

Алексей понял бывшего коллегу. Он тоже, когда служил помощником квартального надзирателя, не стеснялся брать от купцов пятерки да трешницы. Люди сами суют — отчего же не взять? Чтобы внимательнее смотрел, служебное рвение проявлял. Сравнение с армией тоже понятно. Безгрешными доходами там называют законный дополнительный заработок ротного (эскадронного, батарейного) командира. Он образуется сам собой, без всяких злоупотреблений.

Справочные цены на закупку фуража и провианта в местах стоянки частей всегда спускают из штабов с некоторым запасом. Так принято, чтобы не впасть в убыток. Роты покупают себе что нужно чуть дешевле. А в отчете ставят справочную цену. Разница идет командиру, но не только в его карман. В ротном хозяйстве всегда чего-то не хватает. Солдатам не полагается от казны ни постельного белья, ни одеял с подушками. И порядочный капитан улучшает быт подчиненных за собственный кошт. Например, покупает личные и ручные полотенца или заводит чайную. Кроме того, он ежедневно принимает на квартире своих офицеров, а те не прочь выпить водки. В роту приходят гости. Так что безгрешный доход помогает армейским беднякам сводить концы с концами. В полиции то же самое. Жалованье маленькое, обмундироваться и даже вооружаться приходится на собственные средства. Дрова и свечи всегда экономят, поскольку денег на их покупку отпускается недостаточно. А уж на канцелярскую нищету без слез не взглянешь... Так что получил капитан Скобеев дополнительную выгоду, и слава Богу!

— Ага! Тогда расскажите нам, за что вас поощрили! — поддержал разговор Титус.

— Охотно доложу, — обрадовался полицмейстер. — Поощрили меня за то, что я выследил и арестовал знаменитого в Ташкенте вора Мада-сартараша. Два года его ловили в русской части, а поймал я, отвечающий за туземную часть!

— Ловкий был?

— Не то слово! Мад — это сокращение от имени Мухаммед, а сартараш означает «цирюльник». Ну, еще он делает обрезание... Наш герой был обычный туземец, в молодости стриг и брил, да вдруг подался в воры. И открылся у него к этому значительный талант. Чуть не сорок квартир ограбил, прежде чем я его поймал!

— Иван Осипович! — взмолился Христовславников. — Просветите нас по этой части! Кому же знать, как не вам? Правду ли говорят, что Ташкент — город воров?

— Правду, — кивнул капитан. — На весь Туркестан мы этим прославились, прости Господи... Так что, когда приедете, держите ушки на макушке. А деньги, что при вас, лучше сразу снесите в банковскую контору, у себя не храните!

Все трое негоциантов переглянулись. Не только Степан Антонович имел при себе значительную сумму. У Лыкова с Титусом было рассовано по карманам десять тысяч рублей — на взятки интендантам.

— А почему так сложилось? — поинтересовался Алексей.

— Специфика, — вздохнул полицмейстер. — С конца мая начинается у нас страшная жара. И все, кто может, бегут из города. Чиновничество переезжает в Чимган, это в восьмидесяти верстах от Ташкента. Там горы, которые сводят жару на нет. Хороший климат, санатория для войск, дачи. Устроено гелиографическое сообщение с Ташкентом. А войска, кроме караульных рот, поголовно уходят в летние лагеря. Вот и получается, что

квартиры офицеров и чиновников на три месяца пустеют. Как тут не появиться ворам?

— Выходит, у местного населения воровство в крови? — уточнил Титус.

— Не совсем так, — ответил Скобеев. — Конечно, сарты — большие мошенники. Но воруют в Ташкенте все-таки пришлые, не коренные. Тут виноват хлопок.

— Хлопок? — удивился доверенный.

— Он самый. Вокруг Ташкента имеются его обширные поля. А хлопок, следует сказать, требует большого ухода. Сажать его начинают в конце марта — начале апреля. Как посадили — надо два раза окучить. А еще полоть, править борозды, рыхлить землю, прореживать... Одних поливок за весну-лето полагается делать шесть. Когда куст поднимется, он вытеснит все сорняки, но до того ему надо помогать. Еще между кустами подсеивают где мак, а где коноплю, для производства из них дурмана. Занимаются всем этим поденщики-мардикоры, которые сходятся в Ташкент из окрестностей в значительных количествах. Ну, окучили первый раз — не возвращаться же им домой! Заработки на хлопковых работах хорошие, по восемьдесят копеек в день. А между хлопковыми в городе есть только дешевые работы, по двадцать-тридцать копеек. Мардикору горбатиться за них неохота, и он остается ждать. И чтобы прокормить себя, принимается за воровство. Таким образом, в Ташкенте на несколько месяцев скапливается множество пришлых людей. Живут они где попало, в ожидании спроса на свои силы.

А рядом — полупустой русский город. Вот и развивается воровство...

— А туземную часть почему не обворовывают, только русскую? — спросил Лыков.

— Правильно интересуетесь, — одобрил полицеймейстер. — Сарты ведь тоже на лето переезжают. У каждого исправного туземца есть на краю города собственный надел, вроде дачи. Там сад с огородом, обязательно заходит арык, есть хауз, то есть пруд для купания. Летний домик не из саманной глины, а деревянный, и стоит не в раскаленной улице, а под тенью деревьев на просторе. Прохлада, вода журчит... Но городской дом сарта никогда не бывает пустым. Когда вся семья переехала, в карауле оставляют племянника, бедного родственника или какого приживальщика. Туземный Ташкент разбит на кварталы, называются они махалия. В каждой из них есть штатный сторож. Да и соседи друг друга знают. Незнакомец вызывает подозрения, за ним приглядывают все одномахалинцы. Украсть не дадут!

— Получается, что воры в Ташкенте — это случайные преступники, пришедшие на заработки, — усомнился Титус. — А зимой все спокойно и жуликов-профессионалистов нет? Трудно поверить в такое!

— Вы правы, Яков Францевич, — ответил Скобеев. — Профессионалисты везде есть, в том числе, конечно, и у нас. Вот хоть тот же Мад-сартараш. Но их много меньше, чем, к примеру, в Одессе. Репутацию города воров создают именно хлопковые поденщики. А зимой в Ташкенте как везде...